

МОЛИТВА: МОЙ ЛИЧНЫЙ ВЫБОР

Для современных православных личный опыт молитвы — это проблема, так как в традиции (может быть, не абсолютной, но достаточно долгой) нашей Церкви молитва христианина является не его собственным обращением к Богу, а следованием образцам, выбранным для нас великими духовными авторитетами прошлого. В православной традиции существует так называемое молитвенное правило, состоящее из большого количества утренних и вечерних молитв. Есть еще правило ко Святому Причащению — это три канона, к которым многие прибавляют акафисты, плюс само последование ко Святому Причащению. Есть и другие образцы молитвы: например, многие любят молиться по Псалтири. Это тоже высокий образчик, более того, Псалтирь является текстовой основой богослужения, и те, кто любит Псалтирь, читает, молится псалмами, включены и в богослужебную молитву Церкви.

Тем не менее все эти молитвы имеют одну особенность: к каждому отдельному человеку лично они пока не имеют никакого отношения. И получается, что, начиная молиться по предложенному образцу, по некоему лекалу, очень возвышенному и выверенному, мы попадаем в пространство,

изначально ограниченное определенной формой, количеством и наполнением — смыслом молитв.

Когда-то человечество, и Церковь в частности, жило в условиях традиционного бытового христианства, сословного общества, сохранявшего старинный племенной архетип отношений: община, сословие и государство хранились устоявшимися общественными отношениями, которые распространялись на все сферы жизни. И как это ни парадоксально звучит, Церковь, которую Бог сотворил надмирной и неотмирной, в конечном итоге естественным образом вошла в этот комплекс отношений. Церковь очень социализировалась, за века стала традиционно-бытовой, в таком сохранном обществе это неизбежно. И для многих поколений вопрос выбора личной молитвы, вопрос «как я молюсь, почему молюсь так, а не иначе?» не стоял. Как не стоял и такой, например, вопрос — «как я создаю семью?». Или «почему я исповедую православие?». Большинство вопросов решались не личным выбором: за ребенка, юношу выбор делали родители, либо он был предопределен самим фактом рождения в данной стране. Человек не выбирал, к какой Церкви принадлежать, какой профессией заняться, в общем, ничего не выбирал. Можно сказать, христианство, бывшее в тот период очень сильным, стабильным, опиравшимся на колоссальный пласт христианской культуры, — ведь и наука, и государственность были созданы

христианской цивилизацией, — отодвигало личную ответственность за семью, за воспитание детей, за Церковь, за веру, и за молитву в том числе, на второй план, так как эти вопросы были уже решены, апробированы опытом и не было никакого смысла изобретать и придумывать что-то новое.

И вдруг этот удобный отлаженный механизм сломался. К XIX веку, а в Западной Европе чуть пораньше, в эпоху Просвещения, он стал давать сбои. И на первый план в XX и XXI веках вышел личностный выбор. Устойчивые парадигмы, гарантирующие стабильность брака, веры, Церкви, государства, перестали работать. XX век все взорвал, все разломал своими революциями, войнами, геноцидами, холокостами, газовыми камерами, ГУЛАГами... Единственное, где в советский период еще сохранялась социальная парадигма, — это в коллективизме. Коллективизм хранил семью, хранил морально-нравственный облик советского человека. Но недолго — все это тоже рухнуло.

Нынешний мир крайне индивидуализирован, сверхэкзистенциален. Каждый отвечает только за себя и за свой выбор. Именно поэтому мир сейчас настолько непонятен, настолько ужасающ — ведь личный выбор предполагает колоссальное количество ошибок. И все возможные ошибки, которые мог сотворить человек, сделаны и еще умножены на сто.

У западных стран большой опыт личного выбора, и мы с ужасом смотрим на них, думая, какая западная цивилизация прогнившая и отвратительная, а вот мы-то не такие... Подождите еще лет пять. Они просто столкнулись с этим гораздо раньше нас и раньше стали делать ошибки и отвечать за них — или не отвечать, потому что отвечать за ошибки никто не хочет. Но и мы сейчас в том же самом положении, идем по тому же пути. Не по пути западных ценностей, западной цивилизации — процесс, о котором я говорю, не имеет отношения ни к либеральной идеологии, ни к консервативной, ни к какой, а только к изменившемуся миру, к тому, что всякий человек теперь лично отвечает за каждый свой шаг.

Поэтому, кстати, так тяжело создать православную семью. Православную семью теперь создают не родители, а православные, как им кажется, молодые люди, которые не знают, как это делается. И никто не может им помочь. Семьи рушатся — везде, одинаковым образом, не потому, что какими-то темными силами ведется целенаправленная война против семьи, а потому что царствует личный выбор.

Люди теряют веру, которую, как они думали, обрели в начале своей романтической обращенности ко Христу. Оказалось, что дальше надо идти самому. А если ты пытаешься опираться на конкретные старинные социальные опоры, о которых

Молитва: мой личный выбор

написано в книгах XIX века, или в церковных канонах, или в истории Церкви, или в житиях святых, или даже в прекрасном романе Ивана Шмелева «Лето Господне», — то они не работают, и ты вдруг оказываешься непонятно где. Кто я? Что со мной происходит? Я не знаю.

Личностный выбор очень сложен, ответственен и жесток. Люди теряют веру, уходят из Церкви, едва в нее вступив, разводятся, едва создав брак... И я уже не удивляюсь, что второй брак у многих гораздо более удачный, и даже не гораздо более, а просто настоящий, хороший, сложившийся, счастливый брак. Потому что люди чему-то научились. И понятно, почему молодые люди не торопятся заводить семью, а используют пробные отношения... И почему подростки уходят из Церкви... Все это лежит в плоскости ответа на вопрос «кто мы и в каком мире мы живем?».

И в этом же плане мы сегодня просто обязаны задуматься о нашем личностном отношении к молитве — как мы молимся, какими словами мы молимся... Почему мы молимся именно так? Почему молитва занимает у нас столько-то времени и сколько должна занимать? Как научиться молитве? Что для меня молитва? Каким образом я говорю через нее с Богом? Каким образом получаю ответ? Как Бог слышит меня? Как я слышу Его? Что меняет молитва в моей жизни? И должна ли она что-то менять?

КАК СДЕЛАТЬ СВОИМИ ЧУЖИЕ СЛОВА

Очень важно разобраться, что молитва означает для нас и каким образом она связывает человека как личность с Богом как Личностью; что является каналом коммуникации — употреблю такой неподходящий в данном контексте, но уже привычный для нас термин, — который соединяет человека и Бога. Как писал Александр Сергеевич Пушкин,

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв...

И действительно, молитв придумано множество. А какое все-таки личное, личностное отношение имеют к нам древние молитвы, которые мы читаем? Как мы должны их понять и прочувствовать? Как сделать слова, которыми молились отцы пустынники и жены непорочны, своими собственными словами?

Этот непростой вопрос обычно возникает в самом начале молитвенного пути, когда христианин начинает приобретать личный молитвенный опыт. Он задумывается: «А почему я должен

молиться чужими словами? Эти молитвы написаны на древнем неживом языке, на котором я не думаю, не общаюсь с другими людьми, которого не чувствую и даже не очень понимаю... И стилистика молитв мне не близка. Но раз надо, значит, надо». И вот эту внешнюю оболочку молитвы, заданную традицией, освященную веками и святостью жизни преподобных авторов, современный христианин принимает за саму молитву.

Мне и самому хочется разобраться и понять, как же к нашим молитвам относится Господь Иисус Христос и как наша молитва до Него достигает, становится не просто услышанной, а принятой. Мы знаем, что Бог все слышит даже без того, чтобы мы произносили слова, Он знает, что творится в нашем сердце, — и тем не менее мы произносим молитвы, потому что это единственная форма, которая дает нам возможность понять, что мы общаемся с Личностным Слушателем и Принимаателем наших прошений.

В 4-й главе Евангелия от Иоанна рассказывается о небольшом эпизоде (которому предшествует и оттеняет его одно из центральных евангельских событий — разговор Христа с самарянкой): у некоего царедворца тяжело болен сын, он умирает, и вот отец приходит ко Христу с мольбой, с просьбой об исцелении. И что же слышит в ответ? *Вы не веруете, если не увидите знамений и чудес* (Ин. 4: 48). Разве эти слова, сказанные человеку,

погруженному в свое горе, деморализованному, лишенному опоры, готовому на все, чтобы сын остался жив, — не ввергают нас в недоумение?

На самом деле мы очень хорошо понимаем, что молимся по-настоящему, именно молимся, а не читаем молитвы, в очень редких случаях. Совершенно не тогда, когда, просыпаясь утром, берем в руки молитвослов, а когда в нашей жизни происходит что-то далеко выходящее за рамки нормы, выбивающее нас из колеи. Обычно это отнюдь не радость, а горе. И вот в этом состоянии человек приходит ко Христу, обращается к Нему с мольбой об исцелении сына и слышит в ответ: *Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес.*

Зачем человек молится Богу? Самый первый вопрос, который, мне кажется, мы даже не пытаемся осмыслить. Для чего я с утра, проснувшись, открыв глаза, восстав от сна, молюсь Богу? Что, собственно, за этим стоит? Конечно, за этим — некая установка, что так правильно, необходимо и нужно. Этому нас учит священник с самого первого дня обращения ко Христу, это один из этапов катехизации — научить христианина начинать и заканчивать свой день молитвой. Наладить правильное устройство и сформировать определенную дисциплину в жизни. Но очень часто бывает, что молитва и дисциплина сплетаются, проникают друг в друга настолько, что молитва вдруг становится не более чем дисциплиной,

не чем иным, как формой устройства внешнего — христианского быта. И вот мы, проснувшись утром, исполняем все, что написано в молитвослове: «Восстав от сна, прежде всякого другого дела, стань благоговейно, представляя себя пред Всевидящим Богом, и, совершая крестное знамение, произнеси: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“. Затем немного подожди, пока все чувства твои не придут в тишину и мысли твои не оставят все земное, и тогда произноси следующие молитвы, без поспешности и со вниманием сердечным: „Боже, милостив буди мне грешному“». И далее по тому же устроенному порядку — Трисвятое по «Отче наш», тропари и определенное количество молитв.

Читать их мы стараемся внимательно, исходя из того, что все-таки надо принимать личное участие в молитве. Внимательно читаем и стараемся, в соответствии со старинным монашеским научением, чтобы ум и сердце были вместе. Ну, всем понятно, что это невозможно, что умно-сердечная молитва, о которой говорили святые отцы, — это великое достижение преподобных монашествующих. А чтобы молитва была пусть и не умно-сердечной, но хотя бы «умной», изначально существует правило просто заключать ум в слова молитвы. Я привожу здесь классические аскетические правила, о которых можно прочесть и у святителя Игнатия (Брянчанинова), и в «Лествице»,

и во многих поучениях святых отцов о молитве; возьмите любую из книжечек «Святые отцы о молитве», там все это написано.

Но вопросы остаются: зачем, для чего я это делаю, почему это так важно? Только ради того, чтобы была дисциплина? Или ради чего-то другого? Почему молитва вырывается из меня как некая сила только в тот момент, когда я теряю почву под ногами, когда я ничего не могу изменить и ни на что уже не надеюсь? И почему Господь говорит эти слова: *Вы не веруете, если не увидите знамений и чудес?*

Для верующего обывателя — обозначим всех нас этим наименованием — огромное значение имеют внешние проявления Божественной силы. Не Его Личность, не тайна Его Божества и не Он Сам как Бог — невидимый и непостижимый и в то же время такой близкий и доступный, — а именно то, что происходит само по себе, вне этой загадочной, неизвестной нам Божественной Личности, думать о Которой, понять, приникнуть к Ней нам бывает страшно.

Мы и не представляем, как это важно и нужно для нас. Знаем, что есть Бог, веруем, что Он всемогущ, но эта вера, к сожалению, отделена в нашем сознании и жизненном опыте от Него Самого. И потому мы с большим удовольствием и радостью идем на поклонение огромному количеству святых артефактов, желая именно от них получить

знамения и чудеса, Божественную помощь, покров, заступление, исцеление, укрепление — все что угодно, исполнение наших желаний. А Божественная Личность остается в таинственном тумане, через который наше сердце даже не стремится пробиться. Вот почему Господь обращается к нам: *Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес.* Он говорит тому евангельскому отцу: «Тебе от Бога нужен не Бог». Жуткие слова, на самом деле, — человек пришел за помощью ко Христу, а Тот ему отвечает: «Сейчас тебе нужен не Я. Тебе нужны чудеса и знамения». Но царедворец не согласен, он говорит: *«Господи! приди, пока не умер сын мой — то есть именно Ты ко мне приди, мне нужен Ты!»*

То же самое происходит в евангельском эпизоде, когда Господь встречает отца с сыном, который одержим припадками — сегодня их называли бы эпилептическими: ребенок бросается в огонь и в воду и скрежещет зубами, испуская пену. Два отца находятся примерно в одинаковой ситуации: царедворец потрясен внезапной смертельной болезнью сына, второй отец, вероятно, совершенно измучен, так как полностью посвятил себя больному ребенку (кстати, удивительно, что речь идет об отцах, в нашем современном мире обычно матери посвящают жизнь больным детям, а отцы не выдерживают таких ситуаций и сбегают из семьи). Отец эпилептика обращается ко Христу со словами: *«Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его,*

и они не могли. Но если что можешь, помоги! Вдруг Ты на что-то способен? Вдруг Ты можешь творить чудеса?» То есть опять же — «Есть ли у Тебя эта сила? Сила мне нужна!» И Христос отвечает на это — с еще большей горечью, нежели царедворцу: *О, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? А дальше: если сколько-нибудь можешь верить, всё возможно верующему* (Мк. 9: 18–19, 23).

Очень важная, потрясающе важная вещь сказана Христом. Нужно просто представить себе, что Он обращается не только к отцу, но и лично ко мне, верующему обывателю. Все возможно верующему — то есть мне, верующему, возможно все. И все слова Евангелия, которые Христос говорит Своим ученикам и которые касаются совершенно невообразимых, абсолютно неосуществимых вещей, относятся в этот момент ко мне. Например: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас* (Мф. 17: 20). Все возможно верующему! Или: *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именован Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы* (Мк. 16: 17–18). Все возможно верующему!

Верующему какому — который верует в знамения и чудеса? Который читает утренние

и вечерние молитвы ради дисциплины церковной? Или здесь говорится о какой-то другой вере? И вдруг отец больного мальчика понимает, о чем идет речь! Он догадывается, что это должна быть настоящая, удивительная, проникновенная, непоколебимая вера в Божественную Личность, в прочную связь с Ней и совершенное упование в надежде, возлагаемой в этот момент на Бога. И он чувствует, что на такую веру никто из людей не способен, но только она имеет смысл. *Верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк. 9: 24).

В двух этих случаях странной молитвы — не совсем молитвы — отцы могли кричать от сердца, приносить любые обеты, отдать любые пожертвования, если надо, жизнь свою положить за здоровье сыновей — но сперва их вера лежала в области не Бога, а Божьего: «Можешь ли Ты сотворить чудо? Могу ли я поверить в то, что Ты сотворишь чудо?» И все же они не остались на первой стадии, не остановились на ней. Вторая стадия — вера обращена лично к Самому Богу: «Ты мне нужен, Бог, прежде всего! Прежде всего Ты приди ко мне. Мне важно, кто Ты есть на самом деле!» Такая вера — очень весомая, очень тяжелая. И мне кажется, что первый образ молитвы — и вообще понятие того, зачем мы молимся Богу, — лежит в этой области.

Какому Богу я молюсь? Перед каким Богом я внимательно прочитываю слова молитвы? Что

я хочу от Него, когда я приступаю к этой молитве, — Божьего или Самого Бога? Обращение к Самому Богу должно быть, на мой взгляд, первичным, самым важным для того, кто вдумчиво относится к молитве, желает ее понять и принять. И пусть даже молитва воспринимается как нечто давно определенное молитвословом, не имеет значения, так как ее слова направлены на установление прямой связи с Богом. Нужно понять, как и с Кем я сейчас буду разговаривать, Кому и зачем говорить. Понять, как установить самую важную связь между мною — «я» и Богом — «Ты», в этом и есть понимание молитвы.

На такую молитву требуется очень много сил. Но это не значит, что нужно специальным образом напрячься или накачать себя, так настроить, чтобы энергия бурлила. Такой веры у нас нет. И отец, который просит: *помоги моему неверию*, говорит, находясь в состоянии смирения.

Не думаю, что вообще можно рассуждать о молитве в каких-то конечных, совершенно определенных формах и выносить суждения: «это молитва, а то не молитва». Вот я говорю: «Господи, помилуй» — это молитва; читаю утреннее и вечернее правило — это молитва, нечто зафиксированное. А когда в моей душе происходит движение к Богу, даже не вполне вербализованное, не облеченное в конкретные слова и образы, — это не молитва? А что тогда?